

- 10 февр. — Les contes de la reine de Navarre, l'hôtel garni.
11 февр. Няяда.
13 февр. Карл Смелый.
14 февр. Акт из Лукреции Борджиа; акт из Пирата; 3-й акт из Гвельфы и Гибеллины.

[ДНЕВНИК. КОНЕЦ МАРТА 1851 г.]

(Писано в Симбирске у Николая Ефимовича Андреева.)

Итак, мы выехали из Петербурга с Д. И. Минаевым и Николаем Александровичем Гончаровым в повозке Гончарова. Вышло у нас на дороге до Симбирска по 41 или 42 р. с человека. Дорогою всё рассуждали между собою о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии (я в духе Штрауса и Фейербаха). Д. И. Минаев показался мне человеком еще лучше того, чем раньше — человеком с светлым умом и благородною душою; я имел на него, как мне кажется, довольно большое влияние своими толками о Штраусе и коммунизме, — он теперь причисляет себя к коммунистам, хотя, может быть, и не понимает хорошо, куда они хотят идти и какими путями.

Расскажу теперь замечательные случаи нашего путешествия. В Москве я виделся с Александрой Григорьевной. Они отдали сестру свою замуж за одного господина, который раз думал уже свататься и, заставши меня у них в августе, счел меня также кандидатом в женихи и усомнился в своем намерении. Ал. Григ. снова мне попрежнему понравилась. Я пришел к ним перед часами и мог остаться у них только $\frac{3}{4}$ часа, — жаль, потому что пришел домой слишком рано, мы уехали вместо часа или 12 в 4 часа. Скоро отец ушел в церковь, и мы остались с Алекс. Гр. Разговор начался обо мне и о брате ее, который огорчает их своими странностями и тем, что полгода писал им ничего; она поручила мне видеться с ним в проезд через Владимир; потом стала жаловаться на скуку своей жизни после замужества сестры; я уговаривал ее приехать в Саратов. От этого посещения осталось у меня чувство такое же, как оставалось раньше; я глубоко расположен к ней. Она стала полнеть в лице, что, конечно, производит на меня некоторого рода неприятное ощущение. Жаль, что я мог провести с нею только менее часу.

Зашел во Владимире к брату — он показался мне удивительно странным и был в самом деле с похмелья; мало-по-малу стал несколько походить на человека, а то сидел решительно как сонный. Я посидел с ним полтора часа и осыпал хулами бога и провидение, отрицая будущую жизнь. Он защищался от меня обыкновенными богословскими местами. Под конец стал довольно походить на самого себя в обыкновенном положении. — Эти полгода, сказал он, провел он в пьянстве. Две фразы от него остались у меня в сердце, — это то, что разговор мой (на Арбатском бульваре в августе

402

при прощании) произвел на некоторое время влияние на Алекс. Гр. (я тут хулил бога из-за нее). — «Ведь вы возбудили было в сестре сомнения» и «Ну что, рада ли была вам сестра? ведь она вас весьма любит». — «И я ее также весьма люблю, чрезвычайно люблю». Каким образом сделать бы, чтобы этот человек стал человеком как следует? Мне кажется, не иначе как разрушением его аскетических и ведущих к пьянству из отчаяния убеждений, т. е. академических лекций.

В Нижнем останавливались мы на полтора часа, и, к моему несчастью, Михайлова не было дома. Оттуда до Казани дорога была большею частью по Волге, на которой были уже провалы под конец, да и на первой станции от Нижнего, где дорога идет через талы, затоплено водою. Здесь, однако, проехали мы, ничего не опасаясь, потому что не знали опасности, между тем как она, кажется, была в самом деле. Но на второй станции ямщик напугал нас чрезвычайно рассказами о том, как опасно ездить, особенно по «Кудыме — теплой речке», которая проела лед, так что мы сами велели ему ехать шагом, а этого ему только и хотелось, кажется, Ник. Алекс. кричал, мы говорили между собою и кощунствовали над смертью, хотя в самом деле я сидел без некоторых опасений, однако, весьма слабых, от моего постоянного неверия в действительность опасности.

В Казани я был у Гордея Семеновича [Саблукова], подал прошение Лобачевскому с удостоверением от 2-го кадетского корпуса о причинах моей просрочки. — Более ничего. Через Волгу в Казани едва могли проехать — вечером нас не пустили, а сначала вместо трех принудили нас взять 4 лошади. Итак, мы были должны ночевать на почтовом дворе, куда приходил Гавриленко, студент с голосом, похожим на мой. До Казани ехали порядочно, после до Симбирска дурно. В Буинске сломалась в раскате оглобля, и Ник. Ал-ча едва не задушил Дмитрий Иванович, упавши ему задницею на лицо.

В Симбирске теперь что? Остановились у Николая Ефим. Андреева, человека маленького, худого, истощенного, с петербургским цветом лица, напоминающего всем в себе — и цветом лица, и профилем, и голосом, и манерами — весьма благочестивого человека. Он говел, мы приехали в пятницу в 3 часа и расстроили его говение. Вечер провели в разговорах, большею частью в известном демократическо-социалистическом духе. На другой день обед у Ник. Ал. Гончарова. Его жена, Лизавета Карловна, славная женщина, хороша собою, только весьма худа и зелена, должно быть, от скуки, тоски, может быть, и от болезни, может быть, и оттого, что лишала себя общения с Ник. Ал. (над ним смеются, что она не пускает его спать с собою); женщина своею молодостью, по понятиям и поступкам напоминающая Алекс. Ив. Введенскую, только то, что там не грациозно, у нее грациозно, так что к ней довольно идут эпитеты, которые придает ей Дмитрий Иванович: «воздушная», «Ундина Карловна» и т. п. Она вьей-

дет, если соединить Анну Дмитриевну, которую напоминает она своим голосом, с Серафимой Григорьевною, которую напоминает типом своей натуры — своими чертами лица в их общем выражении и своими манерами в их духе, несмотря на то, что в частности они походят на манеры Анны Дмитриевны. С первого раза меня поразило сходство ее дикции, в некоторых местах чрезвычайное, с голосом и игрою Арну Плесси, — это особенно там, где Лизавета Карловна начинает говорить (Плесси вытягивает голос), эта форма, — она решительно Арну Плесси, так что могла бы быть чрезвычайно любимой у нас актрисой. А сложение? Чье сложение — долго я не мог вспомнить, но я с первых слов ее вспомнил, что сложение, ее манеры говорить совершенно одинаковы с манерой говорить какой-то знакомой мне дамы. Наконец, вспомнил, что это — Анна Дмитриевна. Итак, Лизавета Карловна выйдет, если к чертам лица и доброте Серафимы Григ. присоединить манеру говорить Анны Дмитр. и Арну Плесси и наивность, младенчество в понятиях и поступках Александры Ивановны, с придачею грации и легкости движений и порывов, которые есть у многих хороших актрис, так что целое выходит в самом деле милое. Как тут у них после обеда забавничал Дмитр. Ив., как он вырезывал у них себе ордена из карт, покуда спал муж, и заставлял Лизавету Карловну хохотать так, как «я не хотела пять лет», т. е. со дня отъезда Дм. Ив. Гостеприимство, радушие, напоминающее Лариссу Федоровну, также и свою резкую отрывчатостью (*par sa brusquerie*).

Дмитр. Ив. и Ник. Ал. Гончарова описывать я не буду, потому что типы их, я думаю, навсегда запечатлелись в моей памяти после десятидневного пути вместе с ними.

Вот уж сколько людей привлекали меня к себе грустностью, томительностью своего положения. Василий Петрович, Александра Григорьевна — два человека, к которым я чувствовал истинную привязанность, — конечно, эта привязанность много обуславливалась их положением, а не одними их личными достоинствами. Вот если бы дольше с Лизаветою Карловною — и к ней мог бы я привязаться до некоторой степени именно оттого же. Вечером долго сидели, слушая рассказы Николая Ефимовича о Симбирске.

Обедали на другой день у Николая Ивановича²¹⁷, этого бесстыдного пьяницы, которого часто выводят под руки с вечеров и из собрания (рассказ Ник. Ефим. о том, как Воейков сын уезжал из Симбирска в Варшаву и как при этом отец Воейкова и Ник. Ив. прощались друг с другом, обнимались и благословляли, потому что Воейков принял Николая Ив. за своего сына, а Ник. Ив. счел себя Воейковым сыном); гадкое, грязное семейство. С виду добродушный пьяница, на самом деле и по душе низкий человек, — обделил сестер и отжилил по суду полученные от татарина 3 000 рублей из 8 000 за просрочку двух дней.

Ник. Мих. Овсянников — это старый Силен, лысый совершенно, с гадко пришепывающим языком между редкими зубами, из которых один, самый передний, выпал.

Шишков (рассказ его самого об обеде в 25 коп., данном в Сибири Попову, не одному из саратовских, а совершенно другому); (рассказ о том, как он, начитавшись Чичикова, захотел, как он, объездить несколько губернских городов в надежде где-нибудь найти выгодное место и как тут пропил свой домик, свою корову и козу; как умилительно говорит о том, как в то время, когда они жили вместе с этим Поповым, всем слугам велено было слушаться его Александры, которая была высокого ума и души женщина, и как сам Попов глубоко уважал ее); человек, весьма много напоминающий собою (ein archifrommer Mann*) Матвея Ивановича, весьма много, весьма много, даже лицо обделалось на один лад, не говоря об одинаковости манер и обращения с людьми, так что это внушает мысль о том, как много сходства, доходящего почти до тождества и в физической внешности, развивает между двумя людьми внутреннее сходство направления.

ДНЕВНИК В САРАТОВЕ

25 ноября 1852 г., 8¼ час. после чаю, перед ужином. — Голова показалось мне, что тяжела, поэтому от нечего делать стал перебирать бумаги, нашел дневник перед отъездом из Петербурга и вздумал продолжать.

И продолжать начинаю в обстоятельствах, совершенно подобных тем, при каких начал: тогда молоденькая дамочка и теперь Катерина Николаевна.

Итак, начинаю со вчерашнего дня, чтоб не дать изгладиться свежим впечатлениям, потом переберу и другие стороны своей саратовской жизни.

С августа или сентября прошлого года, давая уроки у Кобылина его сыну, я не бывал в его семействе и не поздравлял его на именины оттого, что не хотел еще бывать в саратовском обществе. Наконец, вскоре после пасхи (нет, не оттого собственно я не бывал, а оттого, что не смел показаться, не зная, как меня примут; но вместе и нежелание являться в обществе было тут) было у них какое-то торжество, — должно быть день рождения Николая Михайловича, и меня пригласили. У меня не совсем прошел флюс, все-таки я собрался, с большими хлопотами. Когда вошел в залу, там сидели... **, и Млн *** стоял у рояли, на которой играл Ми-

* Сверхнабожный человек. *Ред.*

** Неразборчиво — Малышевы? *Ред.*

*** Фамилия не разобрана. *Ред.*